



Бланк конкурсной работы Международного конкурса сочинений
«Без срока давности» 2024/25 учебного года

1 страница

Субъект Российской Федерации / государство, на территории которого располагается школа МИД / страна СНГ
Кабаровский край
Город (населенный пункт)
с. Дружба
Полное название образовательной организации
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с. Дружба Кабаровского муниципального района Кабаровского края
Участник Конкурса
Фамилия
Угасийкина
Имя
Валентина
Отчество
Алексеевна



2 страница

Класс	9 класс
Тематическое направление:	Уничтожение мирного населения на оккупированной территории в результате карательных операций
Жанр сочинения	Рассказ
Тема сочинения	Увековечение памяти жертв секции советского народа
Сочинение	«Последнее воскресенье»
Январь. Холодный полуденный день. Уже сутки шел снег. Я стояла, задумчиво смотрела на колючие снежинки, парящие за окном, слегка простираясь, укутываясь в старенький бабушкин шерстяной платок. В поисках уютного местечка в большой квартире я начала отмерять шаги. Как бесцельно буйная по дому, зашла в комнату к бабушке, бывшей, худой, обильной старушке. Она уже давно не поднималась с кровати, не радовалась своей заборной речью, мучительным взглядом. Раньше она была более веселой, любила смотреть телевизор или читать разные детективы, но сейчас она была совсем тихой, безымянной. Надо сказать, что жизнь бабушки сложилась криво. Ее родители были родом из деревни Я. под Уфой, где жила до тех пор, пока не наступила на война. Бабушке на тот момент было всего лет пять. О своем военном детстве она не любила рассказывать. Как это знала я со слов мамы только то, что прадед мой погиб под Москвой, моего прабабушку сожгли немцы в церкви, куда был согнан весь народ деревни от мала до велика, а маленькую бабушку спас от голодной смерти какой-то красноармеец.	



Если бы не Петр Филиппович, - приговаривала всегда мама, - не было сейчас ни меня, ни тебя. Он нашел полуживую бабушку на крыше ветхой баньки, куда её ссылали от драмистов, стал ей и отцом и матерью».

Я подошла к своей милой старушке, она повернулась. Не было в её взгляде пренебрежения, но было что-то очень родное, теплое. Каждая морщинка на её лице могла бы рассказать жизненную историю, полную потерь и страданий, историю о том, как тяжело приходилось в послевоенные годы жить.

Никто не скажет, бабушка подняла свою дрожащую руку, лишившую силы, но не потерявшую всей выносливости движений. Она указала на старинный иконостас, куда уже много лет никто не заглядывал. Я в недоумении подошла, открыла иконостас. Его дверца вдруг открылась, словно пропела, радуясь, что в него заглянули. На полках были книги, лежали аккуратно сложенные вещи. И только третья полка была пустой. На ней я увидела маленькую тетрадь, потерявшую от времени цвет и покрытую пылью. Видно было, что перелистала она много. Я её достала, аккуратно провела рукой по обложке и подала бабушке. Она трепетно взяла эту тетрадь в свои руки и долго показала, что нужно есть радом. Вдруг я поняла, что она хочет рассказать мне что-то важное. Бабушка открыла тетрадь ослабевшими руками, и оттуда вывалились потемневшие листы. Я подхватила его, посмотрела на бабушку вопрошающим взглядом. Она кивком двинувшей головой дала согласие, и я стала читать строки, написанные какими-то неровными детскими почерком:

„Здравствуй, Батя. С тех пор как ты ушел, все изменилось. Я теперь взрослая, маме помогаю, кот кормлю. Приходится туго, но мы справляемся. Ждем весны, будет тепло — можно жить. Батя я подумал, но подумает сильно, холодно по ногам. Подвал пустой, все, что мы собрали в поле, отравили на фронт, чтобы были силы у вас бить этих немцев. Мы не переживай, папка, у нас картошки немного, пшеницы зеленой, но есть можно, мамка обещала шаль на зиму, завтра мешочки будут.

Моська тот же большой столб, но куклу твою из рук не выпускает, та совсем потерялась уже. Все-таки Моська говорит, это папка придет и обещано ей сделают.

Ждем тебя дорогой, бить не надо!

Твой сын Ефимка.

Я посмотрела на бабушку, заметила, как слезы наполнили её глаза, и одна из них скатилась по её измощенному, бедному лицу. Когда я поняла, что Моська — это и есть моя бабушка Людмила Алексеевна. Значит, у неё был брат Ефим? Мой взгляд остановился на последней строке письма. Маленькие чернила бабушки. Её слова словно зазвенели в воздухе: „Это всё, это осталось от брата“. Она подвинула мне тетрадь, там уже знакомыми мне чернилами были введены строки:

7 июня 1943 год. Я пишу письмо дяде в старой школьной тетради. Отец вернется с фронта, будет, что ему рассказать. От него давно нет вестей, думаю написать ему письмо, да адреса не знаю. Спросила у матери, она закрыла лицо платком и заплакала. А я знаю, он жив, письмо мое получит и вернется домой.

8 июня 1943 год. Сегодня идет дождь, не получится пообщаться с Лёхой, дел много. Взглянула писать письмо отцу, руки не слушаются, так как в поле вчера работал много.

9 июня 1943 год. Наконец-то солнышко. Взяла

деревня жаловалась на жизнь. Я подумал, как менялись с тем, что председателю пришла какая-то страшная весть — к нам приближается война. Все плачут.

10 июня 1943 год. Началась жизнь, которую не ждали. Немцы в деревне. Мама спряталась как на ер-даке под сеном, которое осталось с осени. Ночью трясина. Холодно и страшно. Часто раздавались автоматные очереди, крики. Моська постоянно врывалась, звала маму. Я закрывал ей рот, чтобы не выдать нас.

11 июня 1943 год. Мрама мама приоткрыла дверь пердака и вынула кусок хлеба и кружку молока. Я подумал, что-то спросить у нее, но она поднесла маму к губам, это означало мамать и не высказываться. Тогда я запомнил лицо мамы — испуганное, замкнутое, с запеканной кровью на губах. Оно явно предвещало беду.

12 июня 1943 год. Страшно, прошел весь день, но мама так и не принесла нам ничего. Мы ждали и сидели тихо, как мыши. Хотя хочется встретиться с этими проклятыми фашистами и ... изгнать деревню и страну от них.

13 июня 1943 год. Воскресенье. Сегодня я решил посмотреть в маленькое окошко и увидел, как мамин храм церкви, что на окраине деревни. Метка Мария цеплялась за косяк двери, о чем-то умоляла. Он отшвырнул ее. Она все поднялась и попыталась застать мамин храм и детьми, размазывая по лицу пыль дороги и горюхи слез. Потом всех мам подталкивали в узкий дверной проем церкви. Один из немцев махнул рукой и пошел. Тогда я видел, как церковь ярко пылала, яркие пламени исцарапывали заложенные купола вместе с людьми, которых там заперли.

В деревне наступила мертвая тишина...

Весь день я слышал выстрелы и крики, но сегодня их не было. Ночью тушуясь вниз, очень уж

есть хочется, и возьми Люськину куклу, а то она не может спать, как и я без своей тетрадки."

Это была последняя запись в старой полевой тетрадке. Я подняла голову вверх, чтобы слезы не капали на эти драгоценные листы памяти, потом еще раз посмотрела на неровные строки, выведенные детской рукой. В этот момент мне показалось, что я беру не просто тетрадь а что-то драгоценное бездонное сердечко, всю мою маленькую жизнь, которая началась 13 июня 1943 года. Возвращаясь домой пелену накопившихся слез на бабушку, я не требовала объяснений, потому что поняла все сама.